

КАТЕГОРИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

А. И. Кузнецова

(Москва)

Явление, о котором пойдет речь, описывалось в языкознании уже неоднократно и обозначалось многими разными терминами: *модулирующая категория*, *кумуляция*, *конверсия*, *трансляция*, *репрезентация*, *синкретизм* и другие. Последний из перечисленных терминов получил в настоящее время наибольшее распространение, а сама проблема совпадения в одной форме слова (которое само может относиться к разным частям речи) разных грамматических значений, привлекает к себе всё большее внимание в лингвистической литературе. Существуют разные подходы к данной теме. Во-первых, значительное разнообразие моделей синкретизма может выявляться на материале многих генетически разных языков. В этом случае одни модели встретятся часто, другие редко или не будут зафиксированы совсем в отдельно взятом языке, хотя теоретически допустимы. Во-вторых, проводить типологические исследования можно в рамках одной языковой семьи и даже одной группы родственных языков, в конечном итоге получая «семейный» или «групповой портрет» изучаемого явления. При анализе близкородственных языков легче обнаружить и, обнаружив, подробнее рассмотреть те типы словоформ, которые присутствуют не во всех, а лишь в нескольких языках изучаемой семьи. К таким словоформам, в частности, относятся словоформы двойственной природы: по выполняемой ими функции члена предложения они смыкаются с одной частью речи, а своими словоизменительными отношениями и синтаксическими признаками — с другой частью речи. Тем самым слово способно осуществлять переход из одной функциональной категории (класса) в другую¹. В свое время А. И. Смирницкий [1959: 248] назвал это явление категорией репрезентации.

¹ Данное явление едва ли не впервые (1945 г.) обнаружил Б. Л. Уорф, назвавший скрытые категории криптитипом и отметивший, что «они часто ускользают от наблюдателя, их трудно определить, и, тем не менее, они могут оказывать глубокое влияние на лингвистическое поведение» [Уорф, 1972: 50].

Совпадения в одной (часто исходной) форме разных частей речи и/или разных граммем распространены в уральских (финно-угорских и самодийских) языках, хотя подобные совпадения допустимы далеко не для всех слов в том или ином языке данной семьи. Это явление, имеющее некую (пока не уловимую) связь с семантикой слов, будет рассмотрено на материале нескольких финно-угорских и самодийских языков и/или их диалектов, нередко имеющих статус идиома (напр., язык бесермян и язык шокши). К сожалению, ни в одном из исследуемых языков мне пока не известно, каков может быть процент слов, употребляющихся в функции нескольких разных частей речи, к каким лексико-семантическим или тематическим группам они относятся; в каких частях речи чаще всего возникают синкретичные формы и какие конкретно грамматические категории становятся омонимичными. Далее речь будет идти только о вербальной репрезентации.

1а. Вербальная репрезентация в мордовских языках

В мордовских языках не только глагол, но и имена, наречия, местоимения, оформленные глагольными окончаниями, выступают в синтаксической функции предиката, обнаруживая при этом частеречный синкретизм. Уже в 1930-е гг. лингвисты активно обсуждали проблемы возможного *совпадения форм сказуемости и глагольности* не только у глаголов и имен, но и у наречий, местоимений и даже частиц. В финноугроведении было предложено определять изменение имени, находящегося в позиции сказуемого, не как «спряжение существительного (или прилагательного)», а как их «изменение по суффиксам сказуемости» (имеются в виду флексии лица, числа субъекта и времени действия. — А. К.) [Коляденков 1954: 101]. При этом в мордовских языках форма 3 л. не имеет личного окончания, являясь формой глагола-имени (прилагательного, причастия), что можно распознать по порядку слов в предложении. Напр., **эрз.** ломанесь *соки* ‘человек пашет’ и *соки* ломань ‘пашущий человек, пахарь’ [Коляденков 1954: 99]; Кудосонок палсь *валдо* ‘В доме-нашем горел свет’ и *Валдо* весь прядовсь ‘Светлая ночь кончилась’ [Егорова 1976: 81]. В современном языке данная синкретичная категория жива и в речи среднего и старшего поколений в мордовском с. Шокша Теньгушевского р-на активно используется применительно к живым существам. Она может быть выражена как существительными, так и прилагательными, оформленными глагольными окончаниями 1-2 лиц в Sg и Pl, обычно в настоящем времени: *Ton blo-*

hat, a mon jonan ‘Ты плохой, а я хороший’; *Mon aj² nijan, a ton kramojat*. *Koda er’ama karmawtada!* ‘Я слепой, а ты хромой. Как жить прикажете!’ *Min’ at zdorovtama, syrynzatama lomat’čama...* ‘Мы нездоровые, старые люди’ [ПМА 2007] (примеры собирались в полевых условиях благодаря грантам РГНФ № 06-04-18036е и 07-04-18025е). В приведенных предложениях предикаты, выраженные именами (прилагательными и существительными), могут быть переведены с помощью аналитических конструкций: ‘Ты плохой еси, а я хорошая есмь’ или ‘Мы нездоровые... люди есть (устар. есмы)’. Особенно регулярно (в том числе и в речи молодых жителей Шокши) синкретичные формы (напр., употребление существительного в форме спряжения) встречаются в конструкции типа *Я/ты — житель какого-то села* или *Мы/вы — люди определенного рода занятий*: *Mon šokšaveliñan* ‘Я шокшинский житель’; *Ton kraut’at* ‘Ты — куравец’ (житель с. Кураево = Крава); *Miñ meL’hsit’ama* ‘Мы мельсетьевские’. Столь же часто можно услышать фразы *Mon studentan, ton učit’el’at*. Нередко показатель глагола-сказуемого присоединяется к местоимениям, в том числе и в прошедшем времени, где эта конструкция бывает с глаголом-связкой: *Moniliñ sokaws’a, a s’ejčas mon šokšuiñs’an* ‘Я была сакаевская, а сейчас я шокшанка’, *Toniñit’ Moskovošineñ* ‘Ты была (из) Москвы города’; *Moniliñ Šokšaveliñeñ* ‘Я был житель села Шокши’. В приведенных и им подобных примерах следует говорить уже об актуализации предложений (что, впрочем, выходит за рамки поставленной задачи и здесь не обсуждается).

В фольклоре встречаются фразы, где в функции сказуемого выступают не только одушевленные, но и неодушевленные существительные, оформленные глагольными показателями: *Аволь сиянь тон сурксам*. *Аволь сурсо кантнемат (эрз.)* ‘Не серебряное ты кольцо (есть), Не на пальце носить тебя’ (букв. ‘ты подлежишь ношению’) [Коляденков 1954: 119]. В мордовистике при описании явления синкретизма вплоть до настоящего времени сохранилась терминология первой половины и середины XX века, напр.: «сказуемое изменение предикативных имен и наречий», «предикативные имена и наречия принимают суффиксы сказуемого изменения» [Феоктистов 1993, с.199, 184]³. В языке шокши иногда бывает затруднительно при переводе

различить глагол и существительное в предикативной функции: *ton nolgadat* можно трактовать как ‘ты лентяй’ и как ‘ты ленишься’. Неоднозначность легко снимается при трансформации второй фразы — *Ton swal nolgadat robotams* ‘Ты всегда ленишься работать’⁴. Параллельно широко используется заимствование из русского языка: *Ton lent’ajat* ‘Ты лентяй’ (что-то вроде ‘лентя-ешь, лентяй еси’) и *Ton lent’ajat robotams* ‘Ты ленишься работать’⁵.

В диалекте села Шокша не только перечисленные части речи, но даже указательная частица (диал. *vaga* ‘вот’) при своем удвоении (*vagan-vagan*) встречается в функции сказуемого и означает ‘вот-вот, я есмь; вот он я!’ Эта частица оформляется, как и существительные, глагольными флексиями 1-2 лиц (*Mon/Ton vagan/vagat* ‘Я/ты — вот я/ты есмь/еси’). В 3 л. Pl (*vaga syñ* ‘вот они суть’) происходит сращение в одно слово частицы и местоимения: *syñ vaga > vagsyñ* (букв. «они вот (имеются здесь)»).

16. Вербальная репрезентация в самодийских языках

В языках всех самодийцев также существует категория вербальной репрезентации (наряду с адъективной, адвербиальной и субстантивной). При этом в роли сказуемого имена изменяются по двум лицам и числам, но не образуют ни форм наклонений, ни видовых форм, ни форм времени. Впрочем, М. А. Кастрен зарегистрировал употребление именного сказуемого в будущем времени в ненецком языке *sawamgum* ‘я буду хорошим’ и *nišangum* ‘я буду отцом’ [Castrén 1854: 106]. В 1969 г. на симпозиуме в Геттингене по синтаксису уральских языков велись

⁴ Эрз. *нолга* и *мокш. нолга* означают ‘сопля’. В Зубовой-Поляне, как отмечено в Мокшанско-русском словаре 1998 г., зафиксировано наречие *нолгадозь* ‘лениво’. В Шокше некоторые жители (возможно, в силу народной этимологии) объединили оба значения в одном слове, объясняя, что так говорят о человеке, которому даже сопля лень вытереть (*нолгадомс* ‘ленишься’).

⁵ Д. В. Бубрих в свое время говорил о редких в коми языке случаях образования от существительных глаголов, ведущих себя как имена существительные, называя их *субстантивными глаголами*, переводя отглагольным существительным и давая им длинное толкование (не приводя развернутого контекста): том мортавны (букв. «молодой человечить») ‘вести себя как молодой человек’; съод очкиасьны (букв. «черные обочкиться») ‘одеть себе черные очки’ [Бубрих 1949: 125—126]. Наряду с субстантивными глаголами речь идет о вербальных именах существительных, под которыми автор понимал отглагольные существительные.

² Здесь употреблена отрицательная диалектная частица *ne*, используемая наряду с *at: aj nijan* (эрз. *неиця* ‘зрчий’) ‘слепой, т.е. незрячий’.

³ Используя другую терминологию, можно говорить о вербальной репрезентации (форме) существительного.

дебаты о происхождении предикативных суффиксов у имен, высказывались разные точки зрения на их происхождение: предикативные суффиксы произошли из финитных форм вспомогательного глагола; категория предиката возникла до расчленения ранее единого слова на имя и глагол и др. Независимо от своего происхождения категория вербальной репрезентации широко распространена в селькупском языке, напр.: *Man ašša loqaŋak* ‘Я не лиса-есмь’ (из сказки), *Palnašĭk, mat tam ěntak!* ‘Пална-есмь, я вот этот есть’; *Qoštŷl’ sŷryččyl’ qumšŷlyt* ‘Вы плохие охотники’. Для передачи временных различий в предложениях такого типа обычно используются сочетания предикативных форм с формами времени глагола *ěgo* ‘быть’: *Mat ijaŋšĭk ěsak* ‘Я был ребенком’ [Очерки 1980]. Во всех самодийских языках именное сказуемое обладает рядом общих черт с глагольным. Сказуемые, выраженные существительным, в ненецком, энецком и нганасанском языках могут быть и у нарицательных, и у собственных имен в настоящем и прошедшем времени в 1-2 лицах, как и у селькупского глагола. В 3л. во всех самодийских языках именное сказуемое оформляется только числовыми показателями. В северно-самодийских языках, как и в мордовских, сказуемое может быть выражено прилагательным, числительным, местоимением, причастием [Терещенко 1973].

В языках других семей тоже есть вербальная репрезентация, но она имеет свою специфику. Так, в кетском языке (соседствующем с селькупским) «предикативные окончания принимают местные падежи, когда они выполняют функцию сказуемого, напр.: *богдом амбал’дингтам* ‘ружье — в амбаре’» [Дульзон 1968: 575].

2. Частеречный синкретизм исходных форм слов в уральских языках

На примере мордовских и самодийских языков было показано, как разные части речи (помимо глагола) могут выступать в предикативной функции, оформляясь при этом в 1-2 лицах глагольным показателем. Однако в других уральских языках труднее бывает определить, каким членом предложения является то или иное слово и к какой знаменательной части речи оно относится в силу двойственной природы многих типов словоформ. Трудность связана с тем, что в ряде финно-угорских языков⁶ не существует четко выраженной (благодаря нали-

чию глагольных окончаний) вербальной репрезентации, что можно продемонстрировать на примере удмуртского языка.

У бесермян⁷, язык которых часто рассматривается как диалект удмуртского, нередко встречается частеречный синкретизм — совпадение в одной форме существительного, прилагательного и наречия, распознать которые не всегда легко. Так, напр., слова *čeber*, *amsor*, *načar* (*kwañer*) и многие другие могут быть переведены как и существительные, и прилагательные, и наречия. Подобно приведенным в пункте 1а примерам из эрзянского языка отнесение этих слов к тем или иным частям речи или членам предложения иногда можно определить по их порядку в сочетании с существительными. Напр.: *So d'er'em amsor* ‘Эта рубаха узка’ (лит. удм. *субег*, диал. *амсыр*) и *amsor d'er'em* ‘узкая рубаха’; *mi načar (kwañer) uleškom* ‘мы бедно живем’ и *načar (kwañer) korka* ‘бедный дом’ (*kwañer* ‘бедняк’); *milam ul'ča čeber* ‘моя улица красива’ и *čeber buko* ‘красивая дуга-радуга’ и т. д. Однако в отличие от мордовских и самодийских языков этот прием не всегда поможет выявить, к какой части речи относится слово *čeber* и каким членом предложения оно выступает в сочетании *Oj kăče čeber!* ‘Ой, солнце — красота! (красиво? красивое?)’, поскольку, выступая в функции предиката (в том числе и в примерах с существительным в 1-2 лицах: *Mənəŋ veraza mon lunatic vələŋ šuyysa* ‘Мне сказали, я лунатик был, говорили’), слово не получает глагольных показателей, хотя и функционирует как предикат. Как видно из приведенных примеров, одно и то же слово имеет субстантивную, адъективную и адвербиальную репрезентацию, будучи представлено в разных сочетаниях слов и в предложениях. В отличие от приведенных ранее примеров из языка шоки в языке бесермян ни прилагательное, ни существительное в функции предиката глагольных окончаний не принимают. Иными словами, у бесермян не встречается категория вербальной репрезентации, при наличии которой в языке имена могли бы употребляться с глагольными показателями в 1-2 лицах настоящего времени в Sg и Pl, как это наблюдается в самодийских языках и в языке шоки. Не говорится об этой сравнительно редкой для финно-угорских языков черте и в научной литературе.

дельных слов, относящихся к разным частям речи: *потти* ‘жердь’ и ‘загораживать’, *сыв* ‘талый’, ‘жир’ и ‘растопливаться’, *аски* ‘завтрашний день’ и ‘завтрак’ и в сходстве формальных принадлежностей различных частей речи: *олӧм-ныд* ‘жили, оказывается, вы’, *олӧм-ныд* ‘ваша жизнь’» [Сидоров 1992: 60—61].

⁷ Материал по языку бесермян собирался в с. Шамардан Юкаменского р-на Удмуртии в 2005 г. (грант РГНФ № 07-04-00267а).

Литература

- Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. — Ленинград, 1949.
- Дульзон А. П. Кетский язык. — Томск, 1968.
- Егорова А. С. О принципах выделения категории определения в эрзянском языке // Советское финно-угроведение. 1976, № 2, с. 81—89.
- Коляденков М. Н. Грамматика мордовских языков (эрзянского и мокшанского). Ч. II. Синтаксис — Саранск, 1954.
- Очерки — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Т. I. М., 1980.
- ПМА — Кузнецова А. И. Полевые материалы автора 2006—2007 гг., с. Шокша; 2005 г. с. Шамардан.
- Сидоров А. С. Качественные ступени коми языка // Избранные статьи по коми языку. Сыктывкар, 1992, с. 56—68.
- Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М, 1959.
- Тереженко Н. М. Синтаксис самодийских языков. Ленинград, 1973.
- Уорф Б. Л. (1945). Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 44—60.
- Феоктистов А. П. Мордовские языки // Языки мира. Уральские языки. М., 1993, с. 174—208.
- Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPb., 1854.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС *w* В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Кузнецова

(Санкт-Петербург)

1.1. Фонологический анализ, по удачному определению В. Б. Касевича [Касевич 1983], состоит из двух основных уровней, между которыми постоянно балансирует любой исследователь-фонолог: 1) определение системы фонем языка; 2) определение фонологического состава конкретных слов. Для выяснения функционального статуса *w* в литературном эстонском языке необходимо проанализировать фонемный состав ряда релевантных лексем и словоформ.

1.2. Проблема *w* относится к разряду вопросов описания маргинальных, периферийных элементов фонологической системы. Число аргументов в пользу ряда вариантов описания здесь часто бывает примерно одинаковым, поэтому выбор той или иной трактовки тут в особенной степени зависит от конкретных задач и теоретических установок исследователя. Типологически глайды довольно часто занимают промежуточное положение в системе фонем.

1.3. При выборе собственного варианта фонологической интерпретации *w* я опираюсь на следующие критерии описания.

Лингвистические критерии общего порядка:

- (1) описание проявляет имеющиеся в языке системные закономерности, объединяет сходные явления и разводит явления разного типа;
- (2) простота, элегантность и экономность описания;
- (3) описание коррелирует с интуицией исследователя и носителя языка;
- (4) отказ от постулирования глубинных (для фонологии — морфонологических) сущностей, которые ни разу не появляются на поверхностном уровне (это было предложено уже в 60-х годах в среде самих генеративистов П. Кипарским).

Специфические для фонологии критерии:

- (5) аллофоны и сегментные последовательности, воспринимаемые носителем языка как одинаково звучащие, должны получать одинаковую фонологическую интерпретацию, независимо от той морфологи-